

Три тысячи юаней — этого Сюй Сяочжэню хватило бы, чтобы спокойно прожить целый год.

Тридцать тысяч — чтобы окончить университет, снять жильё и начать хоть какую-то стабильную жизнь.

Но три миллиона — тем более тридцать миллионов — ему были не нужны. Просто потому, что он никогда не жил в мире, где возможны такие суммы. Ему даже некуда было бы их потратить. Он действительно нуждался в трёх тысячах. Может быть, в тридцати. Но никак не в миллионах.

На самом деле, никакой пары не было — он солгал Гу Яню.

Вернувшись в общежитие, обнаружил, что в комнате никого нет.

Университетская жизнь в крупном мегаполисе — особенно в первом районе — кипела: вечер, значит, соседи, скорее всего, где-то тусуются.

Он снял одежду, обувь, залез под одеяло, задёрнул шторку вокруг койки, укрылся с головой.

Школа оплачивала электричество и воду, так что он включил прикроватную лампу и открыл книгу.

Сюй Сяочжэнь хотел прийти в себя, подумать, найти какое-то разумное объяснение тому, что произошло.

Он пытался убедить себя: мол, Гу Янь просто такой человек. Даже если виноват — не умеет говорить "прости". Ему проще откупиться.

Но этот аргумент он уже использовал слишком много раз. Теперь, когда он пытался его вспомнить — это даже казалось смешным.

Ведь он вовсе не хотел компенсаций. Он хотел другого. А у Гу Яня — только деньги. И разве это не очевидный знак, что они... просто не подходят друг другу? Что пора расстаться?

Он продолжал смотреть в книгу, пока строки не расплылись. Опустил голову, спрятал лицо в подушку.

Он не хотел расставаться. Он хотел найти повод продолжать любить этого человека, которого любит с восемнадцати и до двадцати трёх. Который стал частью всей его юности. Но он больше не находил таких поводов. Что же делать, Чжоу Янь?

Он смахивал слёзы, старался вернуть внимание к книге.

Заряженный телефон, стоявший в стороне, включился. Мгновенно посыпались сообщения. Почти все — пропущенные звонки от Шэнь Ле.

Как раз в этот момент — новый вызов. Но Сюй Сяочжэнь не хотел, чтобы тот услышал, в каком он состоянии. Отклонил, написал сообщение:

[Я в общежитии, неудобно говорить.]

Следом пришла взволнованная тирада:

[Брат! Брат, что с тобой? Я тебя уже несколько дней не вижу в университете! У одноклассников спрашивал — говорят, ты давно не ходил. Я даже к тебе домой приходил — никто не открыл. Ты в порядке? Пожалуйста, скажи, что у тебя всё хорошо! Я волновался! Очень волновался!]

Такой поток текста буквально выскочил на экран. Сюй Сяочжэнь даже сквозь стекло экрана чувствовал, как тот суетится. В воображении уже видел, как Шэнь Ле бежит вокруг него, хлопчет, волнуется. Как щенок — добрый, глуповатый и преданный.

В душе, словно погружённой в лёд, что-то чуть-чуть оттаяло. Сюй Сяочжэнь не сдержал лёгкой улыбки.

[Всё хорошо. Небольшая неприятность, уже уладил. Не переживай. Ложись пораньше. У тебя нет температуры?]

Шэнь Ле ответил пачкой милых стикеров:

[Конечно нет! Со мной же брат спал, как я могу заболеть? У брата такие тёплые объятия, такая защита — с ним никакая простуда не страшна. Но я испугался — думал, с тобой что-то случилось. Раз всё хорошо, я спокоен. Братик, а можно завтра в обед вместе в столовую? Хочу поесть с тобой. *Собачка-катается-по-полу.jpg*]

Сюй Сяочжэнь, конечно, скучал по нему. Рядом с Шэнь Ле было тепло, как в одеяле. Но укусами, распухшим лицом — это не спрячешь. Пришлось отказать.

Шэнь Ле не обиделся. Продолжил писать, отправлял фото своих цветов, делился новостями, пока Сюй Сяочжэнь не признался, что устал. Тогда он, наконец, пожелал спокойной ночи.

Через некоторое время в комнату шумно ввалились соседи. Увидели обувь под его кроватью — и сразу притихли. Переглянулись.

Позвали Сюй Сяочжэня. Он хрипло ответил, что спит.

— Разве он не переехал жить с генералом Гу? — прошептал кто-то.

— Поссорились? Хотя скорее... того. Поиграл — и выбросил. — усмехнулся другой.

Они переглядывались, закатывали глаза.

Сюй Сяочжэнь даже не слышал, а скорее чувствовал, что именно происходит. И настроение, поднятое разговором с Шэнь Ле, снова опустилось. Он заставил себя заснуть.

...В это же время, где-то в ярко освещённой комнате, лицо Шэнь Ле светилось разноцветными бликами. Он вертел в ладони телефон, улыбка всё ещё не сходила с губ.

Вэнь Юэ подал ему кости для игры, но Шэнь Ле даже не заметил. Тот нарочно подскочил, громко выкрикнул что-то у него в ухе:

— Опа! Наша красотка Шэнь с кем-то флиртует? Чего это ты весь светишься?

Шэнь Ле, наконец, отвлёкся, взял кости. Глаза блеснули:

— Просто один глупенький. Интересный.

— Всё, конец! — Вэнь Юэ захихикал, вспоминая своё прошлое. — Бедняга даже не знает, что попал. Думает, что ты — милый, наивный, солнечный мальчик, уже, наверное, душу тебе раскрывает.

Когда Шэнь Ле только перевёлся в старшую школу во втором районе, Вэнь Юэ с первого взгляда потерял покой — такая мордашка, такая грация. Он был уверен: да это стопроцентный омега. А раз уж приметил — значит, его. Закон улицы: кто первый заметил, тот и имеет право ухаживать.

Он не раз пытался подобраться ближе, заигрывал, вёл себя по-хозяйински — а в итоге остался без штанов. В буквальном смысле. Шэнь Ле сладкими словами обвел его вокруг пальца так, что тот едва не остался в одних трусах. С тех пор одного взгляда на него хватало, чтобы Вэнь Юэ ступшевался.

Но он был эстет — ну не мог он просто забыть такое лицо. Не вышло в парни — стал другом. Тем более, когда оказалось, что Шэнь Ле — вовсе не омега, а альфа. Вот так они и затусили.

Шэнь Ле — умный. Красивый. И... откровенно опасный. Вэнь Юэ и вправду иногда поражался

себе — как вообще мог когда-то хотеть эту ядовитую змею в жёны.

Тот крутил в руке кости, ничего не говорил — но выражение лица говорило само за себя: он в ударе. Всё идёт по его плану.

Сюй Сяочжэнь... да, он и правда идиот. Но интересный. И попался, конечно, на редкость неудачно. Хотя, по правде говоря, заслуженно. Сам напросился.

Шэнь Ле чувствовал: у Гу Яня приближается гиперфаза. По запаху — легко угадывал. А вот Сюй Сяочжэнь — нет. А Гу Янь, похоже, проигнорировал.

Именно поэтому он нарочно оставил на Сюй Сяочжэне резкий след своих феромонов — чтобы довести Гу Яня. Судя по всему, получилось: Сюй теперь явно не в форме. Боится даже говорить по телефону. Хриплый голос? Или просто до ужаса запуган?

На видеосвязь тем более не выйдет, боится, что всё будет видно.

Ну и ладно. Главное — жив. А немного боли пойдёт только на пользу. Пусть осознает, кто о нём заботится по-настоящему.

Братик, что поделать — ты так упорно цепляешься за этого ублюдка... Альфа в гиперфазе — это не шутка. Особенно если ты — бета. Теперь тебе противно, страшно, да?

Но так даже лучше. Самое время всё закончить. Не на меня обижайся — на свою глупость. Или на Гу Яня, который слишком туп, чтобы включить мозги.

Без меня вы бы и так расстались. Я просто ускорил процесс. Разве это преступление?

...Когда Сюй Сяочжэнь ушёл, Гу Янь вдруг решил, что тысяча ландышей — маловато.

Три тысячи ландышей. Чтобы собрать букет нужного качества, цветочному магазину пришлось обойти почти весь Первый район.

Цветочная композиция получилась такой внушительной, что в лифт не влезла. Пришлось снять панорамное окно, поднять букет краном и потом снова вставлять стекло.

Гу Янь, глядя на это огромное благоухающее великолепие, впервые за день ощутил покой. Написал Сюй Сяочжэню сообщение — спросил, когда у него закончится занятие.

Ответа не было. Наверное, всё ещё на паре. Он представил, как тот сидит на "водной" лекции и всё равно тщательно конспектирует. Подумал — ну что ж, если не отвечает, пусть, простительно.

Он обошёл букет по кругу, выбрал угол — чтобы его было видно сразу при входе. Даже попрактиковался: зашёл в дверь, как будто это Сюй Сяочжэнь, и представил его реакцию. Подровнял лепестки.

Квартира теперь сияла. Убираться самому — это уже чересчур, конечно, но хоть не разрушает — уже достижение.

Он подумал: Сюй Сяочжэнь наверняка не захочет, чтобы кто-то посторонний видел все эти засохшие пятна и следы. Поэтому просто выбросил всё, что можно, а пол... залил водой. Да, буквально. Открыл кран, дал напором вымыть всё.

Когда прибыла бригада из десятка уборщиков, у них было ощущение, будто убирают место после локального апокалипсиса.

К одиннадцати вечера всё было готово: цветы, чистота, приглашённый повар уже поставил ночной перекус на подогрев. В воздухе витала романтика.

Он даже вложил открытку. Там — всего одна фраза. Короткая. Но она стоила ему, кажется, всей гордости:

"Больше — никогда."

Но Сюй Сяочжэнь всё не возвращался. Ни ответа, ни тени. Гу Янь начал волноваться: вдруг упал в обморок на паре? Но если бы что-то случилось — кто-то бы сообщил...

Он впервые не позвонил сразу — не хотел мешать занятию. Просто отправил сообщение:

[Ты закончил?]

[Когда ты придёшь?]

[Ответь мне.]

Сюй Сяочжэнь спал. Телефон загудел, он проснулся, потянулся за аппаратом, увидел имя отправителя — и проснулся наполовину. Перевернулся на кровати.

Теперь при одной мысли о лице Гу Яня его бросало в холодный пот. Спать рядом с ним? Он бы

точно не заснул.

Пять лет назад он разбил голову, думая только о нём, молясь вернуть Чжоу Яня любой ценой. Наверное, тогда он и представить не мог, что однажды при взгляде на то же лицо — он будет ощущать тревогу, которая сжимает горло, и не сможет ни есть, ни спать.

Но он не мог просто в лоб сказать, что не вернётся. Гу Янь ведь действительно мог заявиться в кампус и вытащить его силой.

Он раздражённо вздохнул. Неужели нельзя просто дать ему немного тишины?

Немного подумав, Сюй Сяочжэнь терпеливо набрал:

[У меня завал по учёбе, завтра всё сдавать. Сегодня не вернусь, переночую в кампусе. Ложись пораньше.]

После отправки он почувствовал, что сообщение звучит суховато. Могло не сработать.

Тогда он открыл переписку с Шэнь Ле, выбрал оттуда несколько милых стикеров — с поцелуями, собачками и кувычками — и переслал Гу Яню.

Тот, получив поток стикеров, заметно повеселел. Миленько. Прямо в духе Сюй Сяочжэня.

[Вернись, я за тобой заеду.]

Отправил. Ответа — нет. Написал ещё несколько сообщений подряд.

Гу Янь сидел на диване, держа в руках телефон, и долго не мог поверить: его игнорируют.

Он оглядел квартиру — цветы, ужин, открытка, идеальный порядок. Всё, что он приготовил. Он, человек, привыкший к действиям, к результатам. И вот впервые в его голове возникло нечто новое, доселе неведомое — чувство... одиночества.

Он так старался. Хотел, чтобы Сюй Сяочжэнь вошёл — и улыбнулся. Но тот даже не пришёл. Даже не ответил на сообщения.

Почему? Он же... простил его. Разве нет?

<http://bllate.org/book/14462/1279166>